

Юрий Данилов

директор Фонда «Центр развития фондового рынка», старший советник по макроэкономике руководителя ФСФР, председатель попечительского совета Института посткризисного мира, заведующий кафедрой финансов Международного университета в Москве

Бессилие — это диагноз

В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ФИНАНСОВАЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ СТРАН СТОЛЬ ЖЕ ВАЖНА, КАК ВОЕННАЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ СТРАН И БЛОКОВ 50 ЛЕТ НАЗАД

Финансовый рынок стал глобальным и одновременно повсеместным. Секьюритизированный долг бомжа из Урюпинска по потребительскому кредиту становится базисным активом дефолтного свопа, для заключения которого неаполитанский спекулянт использовал деньги китайского крестьянина.

Сегодняшняя политическая элита страдает бессилием.

Состоявшаяся 16 марта в Институте современного развития (ИНСОР) конференция, посвященная обсуждению доклада «Структурная модернизация финансовой системы России», у меня лично и у многих профессиональных финансистов, с которыми удалось обменяться мнениями, вызвала ощущение, что сегодняшняя политическая элита, представители которой (чиновники и депутаты) в основном и были выступающими, страдает бессилием.

Наш доклад стал, на мой взгляд, первым опытом, во-первых, рассмотрения целей развития финансовой системы в тесной увязке с целями развития всей социально-экономической системы в целом, включая цели коренной модернизации реального сектора, и, во-вторых, комп-

лексного подхода к развитию всей финансовой системы страны, без разделения ее на отрасли («банковский сектор», «финансовые рынки» и т.д.), для каждой из которых сейчас существует своя стратегия развития, слабо связанная с другими отраслевыми стратегиями и с Концепцией долгосрочного развития страны. Чиновники и депутаты, напротив, старались отделить финансовый сектор от реального, и даже противопоставить их, исходя из того, что реальный сектор — это наше все, а финансовый — это вредоносные спекулянты.

Между тем в современном мире значение финансового сектора выросло беспрецедентно. Три основных глобальных процесса современности (глобализация; секьюритизация; старение насе-

ления развитых стран) обуславливают драматически резкое возвышение значения финансовой конкурентоспособности страны. Возникла принципиально новая ситуация — финансовый рынок стал глобальным и одновременно повсеместным, увязывая распределенные по всему миру активы в единый механизм оценки, обмена и перераспределения. Секьюритизированный долг бомжа из Урюпинска по потребительскому кредиту становится базисным активом дефолтного свопа, для заключения которого неаполитанский спекулянт использовал деньги китайского крестьянина. И вместе с тем финансовый рынок стал основным каналом передачи кризисных факторов по всему миру, и вследствие этого больше других страдают от глобальных кризисов страны с неустойчивыми финансовыми системами.

Как показывает опыт текущего кризиса, именно в ходе кризиса проявляется реальная конкурентоспособность финансовых систем различных стран, и происходит масштабное перераспределение глобальных капиталов. Проигрыш в конкуренции за глобальные капиталы неизбежно приводит к проигрышу в экономической и политической конкуренции стран. В современных условиях финансовая конкурентоспособность стран столь же важна, как военная конкурентоспособность стран и блоков 50 лет назад.

Одной из ключевых идей доклада стало предупреждение о том, что

крайне низкий уровень устойчивости, являющийся обратной стороной форсированного развития, может стать причиной того, что следующий глобальный кризис разрушит Россию. Современная политическая элита может войти в историю в качестве могильщика России. И, к сожалению, она сыграет эту роль, если ее не обновить хотя бы наполовину в кратчайшие сроки.

Эта элита совершенно не готова и не способна к модернизации, ей и без нее хорошо. Они не понимают масштабов модернизации, они не видят того драматического разрыва между объемом долгосрочных ресурсов, необходимых для финансирования модернизации, и существующим и перспективным предложением таких ресурсов, у них совершенно отсутствует понимание роли и места финансового сектора в современной экономике и уж тем более в современной российской ситуации, их интересы противоположны интересам страны.

А интересы страны состоят в абсолютной необходимости модернизации, масштабы которой превосходят модернизацию 30-х годов прошлого века. Какая модернизация нам нужна? Та, которая позволит России соответствовать условиям развития в ближайшие 50 лет, то есть эффективно развиваться в условиях нового технологического уклада, нового «кондратьевского» цикла. Другими словами, речь идет о создании заново всей инфраструктуры, всего основного капитала. Для этого нужны ресурсы, не сопоставимые по

В ЭТОЙ СТАТЬЕ:

Итоги кризиса.

Характеристики российской элиты.

Источники модернизационных инвестиций.

Забалтывание модернизации.

объему с ресурсами предприятий, а наши уважаемые депутаты продолжают долдонить о снижении курса рубля якобы в целях защиты какого-то совершенно фантомного «отечественного производителя» (видимо, от отечественного потребителя), который сдуру направит дополнительные доходы на модернизацию, а не на покупку английских суперклубов или строительство турецких суперотелей. Конечно, депутат по природе своей не может не проповедовать какой-то совершенно дикой идеи, но когда такие идеи трансформируются в реальную экономическую политику, оказывается, что снижается конкурентоспособность страны. Им нужны информационные поводы, желательно, великие потрясения, нам нужна Великая Россия. Сегодня признаки великой державы — это, в первую очередь, национальный финансовый рынок в форме мирового финансового центра, национальная валюта, в мировом масштабе выполняющая роль резервной. Все это требует взвешенной макроэкономической политики, модернизации финансового сектора и благоприятного инвестиционного климата. Совершенно очевидно, что без крупных иностранных прямых и консервативных портфельных инвестиций модернизация не состоится, а, следовательно, нужно не болтать об

улучшении инвестиционного климата, а кардинально его менять, работать в данном направлении — очень быстро, эффективно и мотивированно.

Для проведения полноценной модернизации России требуются обширные прямые долгосрочные инвестиции, привлечение которых в необходимых объемах возможно только при условии кардинального повышения финансовой конкурентоспособности. Значение модернизации экономики России и обеспечения ее эффективного финансирования еще более вырастает в условиях перехода к новому технологическому укладу (смены длинных «кондратьевских» волн). В этих условиях дефицит долгосрочных частных инвестиций становится просто трагичным.

Наметив в своем докладе альтернативу между краткосрочными темпами роста и устойчивостью (а устойчивость — это одновременно и сбалансированность, а, следовательно, более высокие темпы роста в долгосрочной перспективе) и сделав выбор в пользу устойчивости и сбалансированности, мы тем самым сделали выбор в пользу сбережений в альтернативе «сбережения или потребление» применительно к использованию населением своих доходов, и, соответственно, выбор в пользу инвестиций в альтернативе «стимулирование притока инвестиций или стимулирование производства» применительно к развитию реального сектора. У чиновников и депутатов выбор противоположный. А это значит, что они остаются противниками модернизации.

В чем причины такого положения дел? Безусловно, одной из важнейших причин формирования позиции и поведения высшего чиновничества стал фактор премьер-министра. Его сильные стороны — жесткость и требовательность — привели к формированию у чиновников нежелания находить и решать проблемы. Поэтому проблемы замалчиваются, но идут отчеты — «все,

что запланировали, сделали, идем по намеченному Вами пути». Происходит имитация деятельности: принимаются законы, ведомственные решения. Но никто не задумывается о результатах: куда приведут эти законы и решения, да и будут ли они исполняться. Победные реляции идут на фоне самого глубокого падения среди всех стран «двадцатки», на фоне катастрофического отставания России от своих основных конкурентов на глобальном рынке капитала. Никто не вспоминает о том, что инвестиции в основной капитал упали в 2009 году на 17% и продолжают свободное падение в 2010 году. «Шторы закрыть, вагон качать!»

Интересы чиновничества сегодня совершенно не связаны с общественными интересами. Давая оценку одному из предложений (введению института инвестиционных консультантов) нашего доклада, адресованного высшим руководителям страны, заместитель министра финансов берет на себя их полномочия, заявляя: «инвестиционных консультантов не будет!» и приводит убийственный аргумент: «потому что мы так договорились с ФСФР». Другой чиновник, из Минэкономразвития, соглашаясь с полезностью и эффективностью мер по повышению привлекательности инвестиций на российском рынке до уровня наших основных конкурентов на глобальном рынке капитала, удивляется: «зачем вы их вписали — ведь вы их не согласуете с Минфином?!». То есть полезность того или иного института или механизма определяется не его общественной полезностью, а его «согласуемостью», зависит от текущего состояния комплекса «разменов» в переговорах между ведомствами («мы вам согласуем этот законопроект, но вы нам тогда согласуйте наш»). Как тут не вспомнить, что во всех цивилизованных странах финансовые регуляторы, оставаясь государственными органами, выведены из системы правительственных органов — именно

для того, чтобы финансовое регулирование не погрязло в межведомственных согласованиях. Они понимают, что конкуренция финансовых систем сегодня важнее военной конкуренции. Но в России амбиции отдельных высших чиновников оказались выше и здравого смысла, и мирового опыта, так что независимость финансового регулятора отсутствует.

Поднятые в докладе проблемы они понимают под совершенно иным углом зрения, не с точки зрения интересов общества, а с точки зрения своих ведомственных интересов. Мы ставим вопрос о введении элементов мегарегулирования (унификация правил на различных секторах финансового рынка, введение контроля за системными рисками) как меры по предотвращению системных рисков и снижению транзакционных издержек при инвестировании населением своих сбережений, говоря о том, что эти меры лишь в будущем могут стать предпосылками создания органов мегарегулирования. Они же обсуждают, какой орган назначить мегарегулятором (естественно, тот, в котором работают или работали они сами!) и какие полномочия ему добавить. Мы говорим о создании национальных гарантийной и компенсационной систем, об эффективности механизмов их функционирования, а гендиректор госкорпорации, занимающейся страхованием вкладов, отвечает, что они всегда готовы принять дополнительные полномочия.

У нас совершенно разные интересы. Поэтому для того, чтобы модернизация состоялась, нужно, в числе прочего, провести коренную реформу интересов чиновников, чтобы хоть как-то сблизить эти интересы с интересами страны. ■